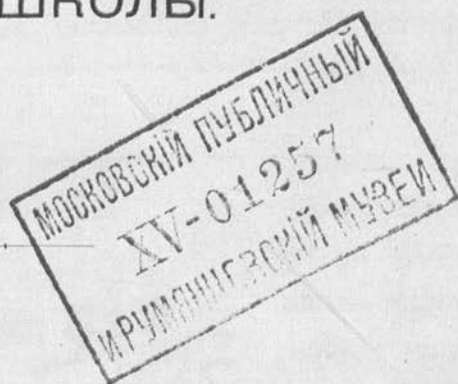

Графъ
Графъ А. А. Мусинъ-Пушкинъ.

О НЕОБХОДИМОСТИ
НАЦИОНАЛЬНАГО НАПРАВЛЕНІЯ
НАШЕЙ ШКОЛЫ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1915.

Handwritten mark

Faint mirrored text

Faint mirrored text

Faint mirrored text

Faint mirrored text

Faint rectangular stamp

Faint mirrored text

Handwritten signature

Handwritten date: 10/2 1952

2007087674

О необходимости національнаго направленія нашей школы.

Эта необходимость далеко не обусловливается тяжелымъ переживаемымъ нами военнымъ временемъ. Она является необходимымъ условіемъ культурнаго развитія каждой страны. Школа должна быть національною и безпартійною.

Въ этихъ именно условіяхъ заключается и спокойствіе духа, столь нужное въ настоящее время для учащихся и учащихся; въ этихъ только условіяхъ возможно столь цѣнное и важное культурное вліяніе школы на подрастающее поколѣніе; въ ихъ невозможною представляется плодотворность работы будущихъ дѣятелей нашей родины.

Только на почвѣ любви къ родному крѣпнеть талантъ, развивается любовь къ научнымъ познаніямъ и самая работоспособность учащихся; только въ этихъ условіяхъ возможно въ будущемъ широкое развитіе духовныхъ силъ народа и полный расцвѣтъ народнаго генія.

Дурныя послѣдствія отсутствія у насъ національной, патріотической школы являются расплатою самой школы передъ жизнью за ея отчужденность отъ родной почвы, за ея неспособность вдохновлять юношество и

ея неумѣніе возбуждать въ немъ любовь къ идеалу, безъ которой юной душѣ въ жизни и темно и очень легко сбиться съ добраго и честнаго пути.

Но при этомъ неизбежно возникаетъ вопросъ. При требованіи отъ школы, чтобы она была національной, патріотической, сможетъ ли она сама по себѣ дѣйствительно воспитать юношу? Является ли воспитаніе—обязательною задачей школы, въ которую ученики поступаютъ только для ученія, оставляясь жить въ семьѣ; не является ли воспитаніе исключительною обязанностью семьи, а никакъ не школы?

Я съ своей стороны категорически заявляю, что школа наравнѣ съ ученіемъ *должна обязательно давать своимъ воспитанникамъ и воспитаніе*, конечно, это послѣднее вполне усваивается *только при содѣйствіи семьи*.

Къ сожалѣнію, у насъ въ Россіи это содѣйствіе слишкомъ часто обращается въ противодѣйствіе, какъ объ этомъ я писалъ въ другой моей статьѣ, озаглавленной „О взаимныхъ отношеніяхъ семьи и школы“, поэтому я считаю здѣсь излишнимъ распространяться на эту тему.

Но вопросъ этотъ тѣмъ не менѣе весьма важный и принципиальный.

Конечно, тутъ большую роль играетъ, направленіе, при которомъ ведется преподаваніе, такъ какъ самый учебный предметъ дѣйствуетъ извѣстнымъ образомъ на міросозерцаніе ученика, направляя его умъ извѣстнымъ образомъ и внушая ему тѣ или другіе нравственные устои.

Вообще учебная и воспитательная сторона школы так тѣсно между собою связаны: они до того одновременно дѣйствуютъ на ученика, что никакъ нельзя отдѣлить одну отъ другой и недопускать совместнаго ихъ вліянія на образованіе, выносимое ученикомъ изъ учебнаго заведенія, и потому нельзя не признать, что *плоха та школа, которая не воспитываетъ*; такая школа далеко не выполняетъ принятой на себя трудной, отвѣтственной задачи.

О желательности и необходимости національнаго воспитанія въ русской школѣ писалъ я еще въ 1906 году въ циркулярѣ по Одесскому округу, перепечатанномъ мною для Петроградскаго, въ бытность мою попечителемъ этихъ двухъ учебныхъ округовъ. Тутъ весьма важно, конечно, отношеніе самихъ родителей къ школѣ и къ ея строю—благожелательно ли оно или исключительно критическое.

Родители не могутъ не имѣть громаднаго вліянія на дѣтей.

При отрицательномъ, критическомъ отношеніи ихъ къ школьному строю, ко всему тому, что творится и предписывается въ школѣ, немислимо думать, что дѣти ихъ не проникнутся тоже критическимъ отношеніемъ къ своимъ наставникамъ и руководителямъ.

Каждый преподаватель, имѣющій въ виду космополитическіе идеалы, а не свои родные, національные, не можетъ не оказывать замѣтнаго вліянія въ этомъ направленіи на своего ученика, а когда въ этомъ космополитическомъ направленіи ведется все преподаваніе въ школѣ, то въ результатъ и получается космо-

политическая школа, чуждая родной исторіи, родному прошлому страны, каковою къ, сожалѣнію, является наша современная русская школа. Отъ этого ея недостатка избавиться не такъ-то легко.

Школа постепенно утрачиваетъ все свои національные устои.

Между тѣмъ въ программѣ средней школы есть цѣлый рядъ предметовъ, которые могли бы прекрасно служить надежными проводниками національнаго воспитанія, столь необходимаго для подготовки будущихъ полезныхъ для отчизны дѣятелей. Таковы въ особенности: русскій языкъ и словесность, исторія, географія, природовѣдѣніе, отечествовѣдѣніе и другіе предметы.

Но для этого нужно, какъ я неоднократно писалъ, извѣстнымъ образомъ подготовленныхъ учителей, самихъ проникнутыхъ такимъ же національнымъ направленіемъ и потому могущихъ его сознательно проводить въ своемъ преподаваніи.

Наша высшая школа—университеты и спеціальныя заведенія намъ такихъ преподавателей не даютъ, что является вполне естественнымъ, такъ какъ въ высшей школѣ долженъ господствовать методъ научный—критическій, аналитическій, а средняя школа должна своимъ преподаваніемъ не только образовывать ученика, но и непремѣнно еще его воспитывать; въ этомъ все глубокое различіе этихъ двухъ школъ—высшей и средней, значить, прежде чѣмъ реформировать среднюю школу, нужно еще преобразовать высшую, другими словами, нужно обязательно позаботиться о тщательной и извѣстной подготовкѣ преподавателей для средней школы,

чтобы придать необходимый ей національный характеръ, котораго она въ настоящее время лишена совершенно.

И это національное направлѣніе должно отразиться на всѣхъ предметахъ преподаванія, о чемъ буду говорить подробнѣе ниже.

Мнѣ представляется, что если бы наша современная школа имѣла въ виду необходимость національнаго образованія, необходимый переломъ въ преподаваніи отдѣльных предметовъ могъ бы уже теперь совершиться и дать плодотворные результаты.

Перейдемъ теперь къ модному нынѣ вопросу о роли, которую должны занимать въ современной русской школѣ новые языки.

Въ № 13927 „Новаго Времени“, отъ 18-го Декабря 1914 г., помѣщена на первой страницѣ небольшая замѣтка (анонимная), вѣроятно отъ Редакціи, озаглавленная „Первые шаги націонализма средней школы“.

Это заглавіе не содержитъ въ себѣ, однако, по существу рѣшительно ничего существеннаго по столь серьезному педагогическому вопросу.

Я долженъ заявить, что при рѣшеніи этого вопроса прежде всего нужно себѣ выяснить, какая цѣль преподаванія новыхъ языковъ въ средней школѣ, а тогда уже рѣшать вопросъ о времени, которое нужно удѣлить для ихъ изученія, причемъ громадное значеніе имѣетъ методъ преподаванія, такъ какъ и при незначительномъ числѣ уроковъ можно знающему и опыtnому учителю достигнуть лучшихъ результатовъ, чѣмъ

неопытному, даже при громадномъ количествѣ уроковъ, при неумѣнніи ориентироваться среди учебнаго матеріала.

Цѣль преподаванія новыхъ языковъ въ средней школѣ—научить кончающаго курсъ ученика на столько новому языку, чтобы онъ по вступленіи въ высшее учебное заведеніе, могъ бы болѣе или менѣе свободно читать научныя книги по своей спеціальности и вообще свободно читать на новомъ языкѣ, такъ какъ какую бы онъ ни выбралъ спеціальность, ему обойтись безъ литературы предмета на новомъ языкѣ нельзя будетъ; съ этой цѣлью и все преподаваніе новаго языка въ гимназій и въ реальномъ училищѣ сводится почти исключительно къ переводамъ съ новаго языка на русскій. Но никогда гимназія не задавалась цѣлью научить своихъ учениковъ „болтать на новомъ языкѣ“, какъ указывается въ выше упомянутой замѣткѣ.

Что же касается вопроса о желательности, факультативности одного изъ новыхъ языковъ, съ цѣлью сосредоточить вниманіе ученика на одномъ только новомъ языкѣ, то нужно признаться, что многолѣтній опытъ у насъ въ Россіи успѣшнаго преподаванія какого бы то ни было предмета указалъ на зависимость успѣха главнымъ образомъ отъ *обязательности* преподаванія этого предмета; въ школѣ, гдѣ оно не обязательно, тамъ и успѣхи, оказываемые учениками, ничтожны.

Выборъ же того или другого новаго языка зависитъ, конечно, отъ того, на какомъ языкѣ написано большинство нужныхъ студенту ученыхъ статей (юристамъ,

напримѣръ, на нѣмецкомъ, историкамъ и филологамъ—тоже на нѣмецкомъ; математикамъ, физикамъ и химикамъ—на французскомъ и такъ далѣе).

До сихъ поръ отдавалось во всей Европѣ предпочтеніе французскому и нѣмецкому языкамъ, какъ обладающимъ въ этомъ отношеніи богатѣйшей литературой, но нельзя же также изъ за современныхъ печальныхъ событій совершенно исключить всякую необходимость изучать въ настоящее время нѣмецкій языкъ.

Мы знаемъ, напримѣръ, что передъ японской войной японцы усиленно стали изучать русскій языкъ, да и нѣмцы давно уже обязательно ввели изученіе русскаго языка въ своихъ не только военныхъ училищахъ, но и гражданскихъ, какъ языкъ врага, который необходимо основательно изучить.

Я лично, на основаніи многолѣтняго опыта, считаю, что не знающій совершенно новаго языка, не могущій вовсе пользоваться иностранной научной литературой, безусловно не долженъ бы быть допущенъ на какой бы то ни было факультетъ университета, какъ не могущій заниматься научно.

Конечно, здѣсь первенствующую роль играетъ методъ преподаванія новыхъ языковъ. Для изученія этихъ методовъ я и былъ командированъ въ 1901 году за границу въ Министерство Генераль-Адъютанта Ванновскаго, съ цѣлью изученія вопроса о подготовкѣ учителей французскаго языка въ Германіи.

Статья моя объ этомъ напечатана во 2-мъ томѣ „Сборника моихъ педагогическихъ статей“ (Пг. 1912 годъ).

Я, конечно, не могу входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе теоріи и практики этой подготовки и отсылаю интересующагося этимъ вопросомъ къ моему сочиненію.

Скажу только, что и нѣмцы при изученіи новыхъ языковъ, французскаго и англійскаго, никогда не задаются цѣлью болтать на новомъ языкѣ.

Какія же цѣли могутъ еще преслѣдоваться при изученіи новыхъ языковъ въ средней школѣ? Конечно, при этомъ можно имѣть въ виду и научныя, филологическія цѣли.

Увлеченіе новыми языками (неофилологіею) одно время настолько было сильно въ Россіи, что задумали даже замѣнить древніе языки новыми—французскимъ и нѣмецкимъ. Но очень скоро обнаружилась вся несостоятельность этой системы, такъ какъ повторилась бы та же исторія, что и при введеніи обязательной классической системы Графа Д. А. Толстого. Какъ тогда не было въ Россіи готовыхъ классиковъ для проведенія системы, сдѣлавшейся уже обязательной для всей Россіи, такъ и теперь не было вовсе подготовленныхъ учителей новыхъ языковъ,—филологически подготовленныхъ и къ тому же достаточно знающихъ русскій языкъ.

Мѣры, необходимыя русскому правительству для достиженія этой цѣли, были мною своевременно указаны въ докладѣ г. Министру еще въ 1901 году, но Министерство ничего не дѣлаетъ для выхода изъ этого невозможнаго положенія, а потому нельзя скоро и ожидать разрѣшенія этого весьма важнаго вопроса.

Наша средняя школа вообще находится въ настоящее время въ такомъ ужасномъ тупикѣ, что безъ коренныхъ реформъ и цѣлаго ряда мѣръ, которыя нужно систематически провести, нельзя надѣяться на ея улучшение.

Я не нахожу возможнымъ въ этой статьѣ касаться специальныхъ вопросовъ изъ области нефилологіи, каковы, напримѣръ, вопросъ о значеніи перевода по сравненію съ чтеніемъ подлиннаго текста, о различныхъ методахъ изученія новаго языка и между прочимъ о „натуральномъ методѣ“ и т. д., такъ какъ эти вопросы отвлекутъ насъ далеко отъ темы.

Для насъ здѣсь центральный вопросъ это вопросъ о національной школѣ.

Еще Ушинскій сказалъ, „что виѣ народности нѣтъ разумной школы“; обученіе же, построенное на абстрактныхъ или иностранныхъ началахъ, не опирающееся на исторію, которую прожилъ родной народъ, можетъ дать лишь печальные результаты—космополитизмъ.

„Начало народности и любовь къ отчизнѣ суть тѣ искры, которыя школа обязана прежде всего развивать“.

Безъ народности школа—тѣло безъ души, и хуже всего то, что сами педагоги остаются чуждыми этимъ основнымъ педагогическимъ принципамъ.

Націонализмъ долженъ собой проникать всю школу, весь ея строй; отсюда слѣдуетъ, что онъ долженъ также проникать собой и преподаваніе каждаго отдѣльнаго предмета.

Очевидно, нѣкоторые предметы по свойству своего

содержанія болѣе другихъ вліяють на міросозерцаніе ученика, болѣе его развивають, и вотъ этими то предметами слѣдуетъ пользоваться, для воспитанія ученика въ извѣстномъ національномъ направленіи. Къ такимъ предметамъ, какъ мы говорили, прежде всего относятся русскій языкъ, словесность и исторія.

Возникаетъ вопросъ, какъ преподавать, напр., словесность, чтобы она дѣйствительно служила цѣлямъ націонализаціи школы? Мы не можемъ не признать, какъ я писалъ еще объ этомъ въ 1907 году въ Одессѣ, „что русская школа, чтобы исполнить свою государственную задачу, должна прежде всего уметь возбудить въ своихъ ученикахъ любовь къ родному ихъ прошлому, пониманіе его характера и національныхъ его особенностей, развить живой интересъ ко всему русскому: она должна вложить въ молодые сердца глубокое чувство патріотизма, должна заставить своихъ учениковъ преклоняться съ благоговѣніемъ передъ подвигами родного народа, съ удивленіемъ и гордостью относиться къ свѣтлымъ событіямъ своего историческаго прошлаго.

Въ такомъ міровоззрѣніи и проявляется непоколебимое культурное значеніе національной школы вездѣ, гдѣ она существуетъ.

Между тѣмъ, наша русская школа не національна: мы это видимъ въ отношеніи учителя къ описываемому имъ литературному или историческому событію. Онъ слишкомъ часто на первый планъ ставитъ исключительно отрицательный литературный типъ. Онъ особенно подробно описываетъ темныя, неприглядныя черты современной нашей русской жизни, намѣренно

не останавливаясь на положительныхъ типахъ, которые могли бы дѣйствовать благотворно и возвышающимъ образомъ на молодое воображеніе юноши.

Откуда при такомъ отношеніи къ дѣлу можетъ у юноши развиться любовь къ родинѣ, къ родному прошлому? Онъ его прежде всего не знаетъ и не привыкъ на немъ останавливаться.

Несомнѣнно одно, что положительныхъ типовъ у насъ чрезвычайно мало; это заставляетъ насъ особенно внимательно относиться къ свѣтлымъ проявленіямъ русской жизни и характера. Тоже—по отношенію къ русскому языку и другимъ предметамъ.

Графъ А. А. Мусинъ-Пушкинъ.